Предуведомление

Всю войну мама пыталась узнать о судьбе моего отца — Ваксмана Иегуды Шахновича, рядового 13-й дивизии московского народного ополчения, в августе 1941 года ставшей 140-й стрелковой дивизией 32-й армии Резервного фронта. Дивизия в начале октября держала оборону по Днепру, прикрывая дорогу, ведущую к Вязьме.

На мамины письма приходили секретки из Центрального бюро по персональному учету потерь личного состава действующей армии: «Сведений о местонахождении Ваксмана Иегуды Шахновича в настоящее время не имеется. В списках убитых, умерших от ран и пропавших без вести он не значится». Даже в списках пропавших без вести он не значился! Пропал в развороченной снарядами земле, исчез в туманах, расстеленных по верховьям Днепра!

Только после войны в военкомате решили признать отца пропавшим без вести. Скорее всего, он погиб к западу от Вязьмы, на Богородицком поле — сейчас там Поле Памяти. Там полегла его дивизия, его 32-я армия и еще три армии — 19-я армия Западного фронта, 20-я и 24-я армия Резервного фронта. Маршал Жуков впервые осмелился назвать гигантский котел окружения не «оборонительной операцией советских войск», а страшным словом «катастрофа».

Полковник запаса войск стратегического назначания Лев Николаевич Лопуховский,

40 лет искавший следы своего погибшего отца, командира гаубичного полка РГК, так и назвал свою книгу — «Вяземская катастрофа». Я прикоснулся к этой страшной странице нашей истории, о которой стараются не вспоминать. Но именно на нее пришлась жизнь и смерть моего отца.

Александр Твардовский:

А всего иного пуще
Не прожить наверняка —
Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька.

С начала войны Гитлер не выступал на публике. 3 октября он заявил в Берлинском Спортпаласе: «Сегодня я могу совершенно определенно сказать: этот противник разгромлен и больше никогда не поднимется». Возможно, что он тянул с началом выступления до тех пор, пока ему не передали срочное сообщение штаба 3-й танковой группы: полковником Колем захвачены два важных моста на Днепре. Это открывало дорогу на Москву.

Лев Лопуховский сомневается: а в Москве знали ли о потере двух важных мостов через Днепр — в районе безвестных сел Глушково и Тиханово?

Через 81 час 35 минут, то есть через трое суток, 9 часов и 35 минут после начала операции «Тайфун» и прорыва обороны Западного и Резервного фронтов известия о «Тайфуне» дошли до Ставки Верховного Главнокомандующего. Там занимались больше Брянским фронтом, где командующий 2-й танковой группой Гудериан, «молниеносный Гейнц» броском в своем стиле захватил Орел, и немецкие танки загромыхали рядом с трамваями. Далее дорога вела на Тулу, Подольск и — Москву.

Вот так и получилось, что судьбу отцовской дивизии нельзя было понять, не изучив по дням положение на четырех фронтах, на дорогах, ведущих к Москве — Минском, Варшавском, Ленинградском, Волоколамском шоссе, дороге Орел — Тула — Москва.

Замысел операции «Тайфун» состоял в сжатии клещей по меридиану Вязьмы, создании чудовищного котла и уничтожении советских войск, защищающих Москву. С севера через Канютино, Холм-Жирковский на Вязьму шли танки 3-й группы «папаши» Гота, с юга по Варшавскому шоссе — 4-й группы генерала Гёпнера. Кто будет первым — Гот или Гёпнер?

Конев приказал командарму-16 Рокоссовскому со штабным отрядом прибыть в Вязьму и принять командование оперативной группой для защиты Вязьмы с юга. Север прикрывать было некем и нечем.

Войск, назначенных Рокоссовскому, в Вязьме не было. Более того, на выезде из города ЗИС-101 командарма был обстрелян немецким танком. Водитель успел свернуть в переулок. Немцам не удалось обстрелять машину прицельно. Нырнули в переулок — и вырвались из города, проскочили на свой КП.

Я пишу с начала до конца обо всех событиях на всех участках сражений. Это нужно для понимания всех сюжетов, в том числе сюжета о судьбе Рокоссовского и его штабного отряда. Только в этом случае возникает новое, эмерджентное (от английского emergent — «внезапно возникающее») свойство.

Важно, что немцы создание вяземского кольца окружения начали с юга, а северная часть города какое-то время оставалась свободной. Танки фельдмаршала Гота после прорыва нашей обороны на Днепре, продвигаясь к Вязьме, напоролись на боевое охранение 140-й дивизии возле деревни Городище. Разведка, высланная командиром 39-го полка Пискуновым в сторону Минского шоссе, доложила о движении по нему немецких мотоциклистов, легких танков и автомашин с пехотой. Вскоре появилась мотопехота врага. Завязался бой.

Военный комиссар 140-й дивизии Тарасов вспоминал:

«Когда двигающиеся во главе колонны немецкие танки выехали на северную окраину деревни Городище, они свернули в сторону, замаскировавшись за домами. Идущие за ними 10 автомашин и 2 транспортера не заметили этого маневра и с ходу на дороге, наехав на минное поле, стали взрываться

одна за другой. Бойцы боевого охранения открыли огонь по пехоте. Немцы заторопились соскочить с машин и рассыпаться в цепь. Два бронетранспортера свернули с дороги и тоже подорвались, заехав на минное поле. Пехота немцев, сделав попытку залечь и отстреливаться, после нескольких залпов наших минометов и пушек отошла назад, ближе к деревне. Оттуда вышли немецкие танки. Но они остановились в отдалении, близко к горящим машинам и бронетранспортерам не подошли. А когда наши пушки стали бить по ним, то и они повернули назад».

Наступление немцев на этом участке возобновилось только после налета авиации и по прибытии пехоты и бронетранспортеров.

Вечером 6 октября ополченцы выиграли несколько часов драгоценного времени, которые позволили Рокоссовскому и его штабному отряду выбраться из осажденной Вязьмы. Так был изменен ход и даже, осмелюсь предположить, исход войны.

Ополченцы не знали и не могли знать того, что мы теперь знаем — они просто выполняли свою работу, как могли.

Роберт Рождественский как-то написал:

Мы судьбою не заласканы.
Но когда придет гроза,
Мы возьмем судьбу за лацканы
И посмотрим ей в глаза.

Что же происходило на Варшавском шоссе, по которому рвалась к Вязьме 4-я танковая группа генерала Гёпнера?

Утром капитан Старчак Иван Георгиевич, тот самый, что 22 июня подвернул ногу, совершая около Минска прыжок с парашютом, по обыкновению отсыпался на окраине города Юхнова в землянке на своей базе, «даче Старчака». Ночью он летал на запад, десантировал своих орлят в немецкий тыл.

— Товарищ капитан, проснитесь! Да проснитесь же, товарищ капитан! Полк улетает!

В отряде Старчака было 430 человек — готовых к прыжкам десантников, пограничников и ребят, прибывших на обучение по путевкам райкомов комсомола.

Разведка, которую Старчак выслал на запад, донесла: немецкие танки идут из Спас-Деменска по направлению к Юхнову. Из города уходили жители.

«Уходи, капитан, уходи и ребят своих уводи!» Но теперь Старчак сам себе отдавал приказы. Он знал, что останется здесь, в Юхнове, на реке Угре. Старчак собрал десантников. Он показал им железяку, сорванную плоскогубцами с дорожного столба: «205-й километр» — напрямую, как воробышки, летают. Речи не держал, просто показал скрученный указатель — вот сколько отсюда до Москвы. Старчак знал то, чего не знали его ребята — на Варшавском шоссе кроме них нет никого до самого Подольска, где есть мальчишки из военных училищ.

— Я остаюсь. Никого не держу. Хотите — оставайтесь со мной. Хотите — уходите. Всё.

9 октября, на пятые сутки непрерывных боев, капитан Старчак передал свои позиции на Варшавском шоссе подольским курсантам. Из 430 человек, оставшихся с капитаном Старчаком, в живых осталось 29. Они направлены в Москву, в штаб ВВС.

Старчак мертво спал. Его растолкали при въезде в затемненную зашторенную Москву, прикрытую сверху аэростатами. Многие ребята впервые видели столицу.

— Давай через Красную площадь, — сказал Старчак шоферу. — Да помедленнее.

Песня молодого композитора Давида Тухманова и ветерана войны поэта Владимира Харитонова написана к тридцатилетию Победы. Она стала любимой в народе. Но одно слово в этой песне, на мой взгляд, очень неточно:

День Победы, как он был от нас далек,
Как в костре потухшем таял уголек...

Да не таял огонек! Не таял, а шаял!

Как в костре потухшем ш-ш-шаял уголек...

На Урале так говорят: шаять, шаить. В словаре Даля: «Уголье расшаяло, разгорелось». В том-то и дело, что «в костре потухшем шаял уголек».

Иван Сергеевич Тургенев не побоялся ввести в Большой словарь живаго рускаго

языка великолепное орловское словечко «шуршать». В рассказе «Бежин луг» из «Записок охотника» сказано: «Камыши, точно раздвигаясь, «шуршали», как говорится у нас»...

***

Предлагаю вниманию читателей начало незаконченного документального романа.

От города Холм-Жирковский
До самой станции Игоревская
Искал я следы отцовской
Дивизии — покореженной,
Кровавым вином напоенной,
Тринадцатой, непохороненной
И все-таки непокоренной.
И — повторение пройденного:
Под звуки трубы повиты,
Все —
Живые и мертвые,
Они сражались за Родину,
Прокляты и убиты.

Глава первая. 1941 год. Лето и сентябрь

Они пришли в субботу вечером. Один позвонил, другой стоял пролетом ниже, «по схеме». У нас в Перми они по одному не ходили, изображение на рукаве коловрата — якобы древнерусской свастики и восьмиконечной звезды — носить побаивались, побить могут. Они собирали подписи для выдвижения на выборы кандидата от РНЕ — «Русского национального единства».

— Вы заблуждаетесь. Мы не фашисты. Мы русские националисты. Мы считаем так: Россия для русских.

— То есть это вы, друзья сердешные, решаете: жить ли мне в моей родной стране или не жить?

В начале девяностых годов прошлого, двадцатого, века все столбы были залеплены их листовками — и на нашей Крохалевке, и на улице Куйбышева, где трамвай №5 летит вдоль бесконечных бетонных заборов оборонных заводов. А если идти по Хлебозаводской, то запах горячего хлеба приведет к корпусам сорок третьего года завода, который зовут по-разному — велосипедным, машзаводом, «Велтой», а кто постарше, и патефонным, и номерным, и заводом, где директор товарищ Баталин. Запах хлеба заплывает и на улицу Героев Хасана, незаметно переходящую в Сибирский тракт...

Теперь они оба стояли рядом со мной. Лица — детские, глаза — чистые. Крысолов ведет их к пропасти узкой тропинкой в поле ржи...

— Заходите, ребята. Я хочу прочитать вам одно письмецо...

— Вас как зовут-то?

***

Как-то познакомился я с альтистом Жоховым Анатолием Владимировичем — обаятельным интеллигентом старинного, уездного склада. «Есть блаженное слово — провинция, есть чудесное слово — уезд», — сказал поэт.

— Прошу прощения, как вас величают?

— Семен Ваксман. Как меня только ни звали — Баксман, Буксбаум, даже Максимов ...

— А по батюшке?

— По батюшке Ваксман Семен Иегудович. Произнести трудно, запомнить невозможно. На буровых помбуры меня звали Семигудыч. Или Семен Мазутович...

Глаза Жохова заблестели:

— Ваксман Семен Иегудович... Ну что вы? Для меня это музыка. Записи Иегуди Менухина постоянно звучат в моем доме. Франц Ваксман известен музыкой к фильмам Хичкока — «Окно во двор», «Бульвар Сансет», «История монахини». В моем репертуаре — концерт Ваксмана для альта с оркестром.

По четным числам Анатолий Владимирович играет на альте, по нечетным — на скрипке. В его доме живет чижик, который любит классику и начинает метаться, заслышав ненавистную попсу.

— В Восточно-Сибирском море есть остров Жохова.

— Это мой родственник. Я как-то прочитал в «Известиях», что остров Жохова — это последнее географическое открытие на планете. В 2016 году было столетие этого события.

***

— На чем мы остановились? Ах, да, письмо.

Вот оно, это письмо. Плотная шероховатая бумага, почему-то красные чернила, выцветшие от времени. Наверное, папа, когда писал бабушке Хае это письмо, сердился на неудобную бумагу, подносил к глазам перо и потом долго чистил его о края чернильницы из морозного мрамора.

За год до того, как папа пропал без вести, он писал своей маме.

«Москва, 7 октября 1940 года.

Здравствуй, дорогая, милая мамочка! Вчера послал тебе письмо, шел с сыном в баню, зашли на почту, опустил письмо. Решил сегодня написать также пару слов, хотя добавить особенно к написанному вчера нечего. Вчера был выходной день, воскресенье. Утром встали, позавтракали, пошли с Сенькой в парикмахерскую. Я побрился, а он постригся. Вместе пошли в баню, искупались, потом пришли домой, покушали и легли вместе спать. Единственный день — выходной, когда можно побыть с детьми вволю. Позвонил Лозик, пригласил пообедать. Шура не могла поехать, и я один поехал с Сенькой. Приехал также Володя Андрианов с Машкой, а Соня с маленьким Володькой осталась дома. Фира приготовила чисто еврейский обед — редька с гусиным салом, меруп цимес и другое. Кончили обедать к вечеру, посидели еще немного и разъехались по домам. У всех наших всё благополучно, все живут по-старому. Новостей никаких нет. С Фадей говорил вчера по телефону, у них также всё благополучно.

Ну, вот, пожалуй, всё. Привет всем родным и знакомым. Большой привет Исааку и Соне Раппопорт с семьей, особенный привет Нисону, Бениамину, твоим квартирантам. Целую тебя крепко-крепко. Твой сын Иегуда».

Сенька — это я. Письмо — в Могилевскую область, в Приднепровье, в белорусский городок Краснополье, где жила до войны бабушка Хая. Она говорила с нами на немыслимой смеси русских, еврейских и белорусских слов. Читать же и вовсе не могла. Письма ей читали Исаак и Соня, а также квартиранты.

Всё благополучно, всё по-старому. Папа вчера написал своей «дорогой, милой мамочке» и сегодня решил написать. Ей ведь всё интересно — кто был, что делали дети, что ели, что понравилось — меруп цимес или редька с гусиным салом.

Летом 41 года бабушка с квартирантами уйдет из Краснополья, а все наши родственники, которые остались там, будут убиты фашистами.

***

Итак, вечером 7 октября 1940 года папа пишет письмо в Краснополье, макая перышко номер 86 в мраморную чернильницу с красными чернилами. Вчера написал письмо своей маме и сегодня тоже решил написать. Мы с сестренкой мешаем писать, забираясь ему на колени. Мне четыре с половиной года, а Светке — два. Я помню «довойну», а Светка не помнит.

Папа пишет бабушке Хае о «чисто еврейском обеде» у дяди Лозика. У всех всё хорошо — и у Фади, Лёниной жены, и у Лозика, и у Сони. Бабушка так и не узнает никогда, что ее старший сын Лёнька взят органами и сгинул в лагерях, а не уехал в Америку, как сказала ей тетя Фадя. Всё хорошо, только Лёнька почему-то не пишет.

— Я имею что спросить: а что делать еврею в этой Америке? Все краснопольские Ваксманы с пчелками, с воском дело имели, потому и фамилии такая пчелиная. На языке идиш слово «Ваксман» имеет два значения — «восковой человек» и «растущий человек».

Над столом — абажур со скрученными махровыми кистями; свет от лампы под абажуром густо ложится на середину стола, получается круг света; будто розовые мазки на складках накрахмаленной скатерти в углах. Дальше — свет рассеянный, скорее просвеченная

темень. На столе нарядные конфеты «Мишка на севере», «Кара-Кум», «Ну-ка, отними», цукаты — сухое киевское варенье в розетках, калорийные булочки от Филиппова. Мы пьем чай. Из шкафчика в коммунальной кухне мама достает сахарницу со снегирем на ветке рябины и чайные чашки. Про наш кухонный нож мама говорит, что он фамильный. Лезвие его истончилось от старости, и нож стал похож на сабельку. Ножик забыла когда-то мамина мама, другая моя бабушка — Наташа, которая живет в Барнауле.

Папа сказал, что летом надо снять для детей дачу где-нибудь в Сходне, или Загорянке, или же в Снегирях, или в Болшево. Еще можно поехать в Жаворонки.

— В Снегири, в Снегири! — закричал я. — Там есть речка?

— Конечно, есть. Истра. Речка Истра. Мы будем ловить рыбу, собирать ягоды, грибы, валяться на траве. Солнце печет, липа цветет...

Мама сказала:

— Мы будем пить чай на веранде.

— Чай с мятой.

— И смородинным листом.

— На веранде.

— Непременно на веранде.

— На закате...

Снегирь на сахарнице лакомится ягодами рябины. В большой нарядной коробке — печенье «Садко» из «китайского» магазина на Кировской улице против Главпочтамта...

— Снегири! Там есть снегири?

— Конечно. Ты увидишь снегирей. Они прилетят за рябиной.

— Мне скоро пять лет, а я никогда не видел снегирей.

Ровно через год перестанет существовать отцовская дивизия. На мамины письма будут приходить секретки из Центрального бюро по персональному учету потерь личного состава действующей армии: «Сведений о местонахождении Ваксмана Иегуды Шахновича в настоящее время не имеется. В списках убитых, умерших от ран и пропавших без вести он не значится».

Даже в списках пропавших без вести он не значится! Пропал в развороченной снарядами земле, исчез в туманах, расстеленных по верховьям Днепра!

Мне кажется, что я помню, как мы ехали на Красносельскую улицу со станции метро Кировская. Помню и этот длинный обед у дяди Лозика в воскресный день предвоенного октября. Взрослые за столом тихо говорили о своих взрослых делах, а мы, маленькие — Маша, Нелли, Владик и я, играли за шкафом. Светка осталась с мамой дома, а Володя-маленький со своей мамой, тетей Соней, у себя на Плющихе.

Мама рассказала, что мой первый роман назывался «Снегири». В нем четыре главы.

Глава первая. Мы живем у реки Истры.

Мы рыбачим. Рыбы много. Мы рады. Нам весело. Мы жарим рыбу.

Глава вторая. Мы пляшем у реки.

Глава третья. Война.

Глава четвертая. Победа!

На стене картина — «Дети, убегающие от грозы». Я иногда взглядывал на нее со сладким ужасом — успеют убежать?

Папа зашел к нам.

— Па, они успеют убежать?

— Конечно, успеют.

— Тогда ладно.

Двор у Нелли и Владика удобный и для штандера, и для пряток, и для чижа. А наш двор в Колокольниковом переулке — маленький. В нем можно играть разве что в «замри-умри-воскресни-отомри». Зато в нем есть глухая кирпичная стена в пятнах краски, со рваными руинными краями.

Взрослые танцевали под патефон — «Цветущий май», «Брызги шампанского», «Рио-Рита» — «О, прощай, Рио-Рита!»

Как льется эта музыка! Вода
Так не умеет литься невесомо,
Но плачу я от музыки веселой,
Всё медленней текущей сквозь года.
Всё глуше с каждым годом, всё милей
Старинный быстрый танец «Рио-Рита».
В сырую землю музыка зарыта
С моим отцом и с матерью моей.

Перед уходом всегда просили дядю Лозика сыграть на пианино. Он всегда играл

полонез Огинского. Ничего другого никогда не играл. Всегда играл полонез Огинского, высоко подняв свою львиную голову и всегда плакал.

И чуть ли не об этом самом дне — 7 октября 1940 года — осталась запись в дневнике писателя Михаила Михайловича Пришвина:

«Мы гуляли в лесу. Над нами летали мельчайшие мошки. Л. спросила:

— Эти мошки живут один день?

— Меньше, — ответил я, — эти мошки — мгновенья.

— Взлетят и умрут?

— Возможно. Только им эти мгновения как вечность…

— И мы тоже так?

— И мы взлетаем на то же мгновенье, только у нас есть человеческая задача вспыхнуть мгновением и так остаться: не умереть».

Когда-то на берегу Японского моря явилась перед охотником Мишей Пришвиным Хуалу, олень-цветок, и просунула ему копытца через виноградные сплетения. Ушло мгновение, но оно вспомнилось, когда он лежал на оторванном тайфуном от скалы, полупогруженном в море камне, похожем на сердце, и расслышал, как оно стучит, сердце камня: «Охотник, охотник, зачем ты тогда не схватил ее за копытца?»

И только в этом году встретился охотник с прелестной земной женщиной, и это с ней он бродил по осеннему подмосковному лесу.

***

По воскресеньям мы с папой ходили на Центральный рынок, что возле цирка на Цветном бульваре. Картошку папа всегда выбирал можайскую. Можай — это очень далеко. Взрослые так и говорили: «Загнать за Можай». Яблоки были в ящиках со стружками. Запах яблок и запах стружек. Гулять мы ходили на Сретенский бульвар или — в Александровский сад. Еще был футбол на стадионе «Динамо». Футболисты выбегали змейкой под музыку Цфасмана «Счастливый дождик»: «И-и-и, у мальчика пара зеленых у-у-удивительных маминых глаз, удивительных маминых глаз».

***

В апреле 1940 года начальник Разведуправления Красной Армии генерал-лейтенант авиации Проскуров, герой испанской войны, забрал к себе молодого подполковника Василия Новобранца из Читы и назначил его замначальником информационного отдела по Востоку. Однажды Проскуров вступил в пререкания с товарищем Сталиным и поплатился за это жизнью. 28 октября 1941 г. он вместе с Рычаговым и другими военачальниками был расстрелян близ города Куйбышев…

Проскурова сменил генерал-лейтенант Голиков, за два года ставший четвертым по счету руководителем разведки. Он до самого начала войны верил, что ее не будет. То ли верил, то ли боялся гнева вождя.

Из-за рубежа шел вал информации. Нужно было ее критически оценить. Новобранец, недоверчивый крестьянский сын, сидел в Управлении допоздна. Ему не хватало сводных документов — сколько дивизий могут выставить против нас, на каких направлениях они могут быть развернуты. Он накапливал материалы, выстраивал логические цепочки. По каждой стране составлялась «Мобилизационная записка».

В массиве информации он научился отслеживать и удалять дезинформацию. Тонкость заключалась в том, что в «дезу» вводилась толика правдивой информации, как правило, уже известной врагу. Немецкая разведка сумела внедрить в наше руководство, как сейчас сказали бы, фейк: Германия готовится нанести удар по Англии.

Подполковник Новобранец назначен врио начальника информотдела. Теперь в его руках гора материалов и по Востоку, и по Западу, и он вгрызался в эту гору. Его личная цель — выследить истину и документально предъявить ее начальству.

Германия только что легко победила Францию. Наши разведчики сумели завладеть

отчетом французского Генштаба об этой молниеносной войне — ценнейшим документом для аналитика.

Подполковник Новобранец мог по дням разобрать действия немцев и вычислить день поражения французской армии.

Осенью 1940 года началась скрытая переброска немецких войск на восток. Пошел поток сообщений нашей агентуры о скорой войне.

В информотделе профессионально отслеживали данные по каждой дивизии. Подполковник Новобранец твердо понял: «Да, это война». Но как донести правду до Сталина и до войск? Разведсводку №8 по Германии (декабрь 1940 года) Голиков не утвердил и, как выяснилось впоследствии, в Генштаб не отослал. Порядок был таков: все документы, подписанные начальником информотдела, утверждает начальник Разведуправления. Только после этого тираж поступает в войска.

Сводку №8 Новобранец решился разослать без ведома Голикова. Тот его, конечно, изругал, но разрешил доложить заместителю наркома обороны генералу армии Мерецкову и заместителю начальника Оперативного управления Генштаба генерал-майору Василевскому.

— Когда немцы могут перейти в наступление?

— Немцы боятся распутицы. В конце мая — начале июня можно ждать удара.

Но подполковник Новобранец не мог знать, что весна 41 года оказалась невероятно затяжной. Снег валил чуть не до самого Первомая.

На совместном совещании Военного Совета и Политбюро генерал Мерецков сказал, что война с Германией неизбежна и что страну надо переводить на военное положение. После этого он был снят с должности и арестован.

Новобранец и его сотрудники продолжали отслеживать все новые переброски немецких войск. Для них не было мелочей. Скажем, прибытие полевых передвижных госпиталей — верный знак войны.

Начало мая. Подполковник Новобранец снят с работы.

Начало июня. Новобранец отправлен в Одессу, в дом отдыха Разведуправления — место, где перед расправой собирали «паникеров».

14 июня. Сообщение ТАСС: «Германия так же неуклонно соблюдает условия Советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз».

21 июня. Из докладной записки Берия Сталину: «Начальник Разведуправления, где еще недавно действовала банда Берзина, генерал-лейтенант Ф. И. Голиков жалуется на своего подполковника Новобранца, который тоже врет, будто Гитлер сосредоточил 170 дивизий против нас на нашей западной границе. Но я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твердо помним Ваше мудрое предначертание: в 1941 году Гитлер на нас не нападет!»

Другой документ: «секретных сотрудников за систематическую дезинформацию стереть в лагерную пыль».

Во время массовых репрессий 1937–39-х годов против командных кадров 43 000 наиболее опытных генералов, адмиралов и офицеров были стерты в пыль.

***

В этот день, совершая тысячный прыжок, мастер парашютного спорта капитан Старчак подвернул ногу, получил растяжение связок и был помещен в Минский окружной госпиталь.

***

Подполковник Новобранец ошибся: война не началась ни в конце мая, ни в начале июня. Не в его власти было знать, что весна в 1941 году окажется столь недружной, что в мае будет идти снег. Потом природа взяла свое…

***

Дневник Пришвина: «Все цветы от жарких дней встали, как мертвые воскресли:

фиалки — первые цветы и бутоны ландышей сошлись с мячиками одуванчиков, ранние полевые цветы сошлись с летними: черемуха — начало весны — сошлась с концом ее — цвела сирень».

22 июня. 12.15. Речь наркома иностранных дел Молотова о вероломном нападении Германии на Советский Союз начиналась холодными словами: «Граждане и гражданки Советского Союза!», а закачивалась так: «Наше дело правое. Враг будет разбит!»

Новобранец в санатории получил радиограмму — приказ Разведупра: «Немедленно выехать к месту новой службы город Львов начальником Разведотдела Шестой армии». Война спасла его от неминуемой гибели.

Старчаку жена Наташа привезла в палату одежду, документы и пистолет. Главврач сказал: «Кто хоть как-то способен двигаться, идите на автостраду, садитесь на попутные машины». Старчак, ковыляя, добрался до Минского шоссе…

30 июня. Генерал-лейтенант Еременко принял командование Западным фронтом с тем, чтобы через два дня, 2 июля, передать его самому наркому обороны маршалу Тимошенко.

2 июля. Начало обороны Могилева.

В Москве началась запись в дивизии народного ополчения — с мрачноватой аббревиатурой — ДНО. Можно предложить другое сокращение: дивизии московского ополчения — ДМО. Переставим буквы — получится ДОМ. «Если дорог тебе твой ДОМ…»

Папа — в 13-й дивизии, ростокинской.

3 июля. Где-то возле Смоленска на двенадцатый день войны военкор «Красноармейской правды» Константин Симонов прочитал записанную на слух радистом речь Сталина. Она начиналась неожиданно: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота!» Еще — «Друзья мои!» Еще — «положен предел колоссальному разрыву между официальными сообщениями газет о действительной территории, захваченной врагом».

В речи Сталина говорилось о «170 дивизиях, брошенных Германией против СССР». Это совпадает со счетом подполковника Новобранца в варианте блицкрига.

***

Двенадцатый день войны. Генерал-полковник Гальдер, начальник штаба ОКХ — Верховного командования сухопутными войсками вермахта (Oberkommando des Heeres), который в войну вел подробный дневник, считал, что «кампания против России будет выиграна в течение 14 дней».

***

Первым ополченцем 13-й ДНО стал Александр Варфоломеевич Орса, в ту пору Саша Орса. Мне повезло — я сидел рядом с ним на юбилейном чаепитии в музее дивизии в школе №270 на Маломосковской улице, дом 7. Он именовал себя так: старший сержант, бывший помощник командира взвода связи 37-го стрелкового полка 13-й ДНО города Москвы, впоследствии 140-й стрелковой дивизии, со 2 октября 1941 года — командир этого же взвода по причине гибели 1 октября 1941 года командира взвода Грязнова во время налета немецкой авиации на наши окопы вблизи моста на реке Днепр.

В 1941 году ему было 29 лет. Работал начальником технического бюро и зам. начальника механического корпуса завода «Калибр». 3 июля секретарь парткома Михаил Васильевич Сутягин сказал ему: «Саша, ты должен возглавить запись в народное ополчение». Сам Сутягин тоже записался в числе первых: «Несмотря на имеющуюся у меня бронь, считаю себя мобилизованным». На заводе «Калибр» записывались бригадами, целыми сменами — просились в одну роту, в один взвод. 55-летний Никита Рыбаков записался вместе с 17-летним сыном Вилей. На заводской площади сюжет для киножурнала снимал знаменитый (в будущем) кинооператор Роман Кармен.

4 июля. Постановление ГКО о народном ополчении. Оно должно было дооборудовать и занять подготовленные оборонительные рубежи. За четыре дня в Москве было сформировано 12 дивизий народного ополчения.

Начсостав ДНО включал лейтенантов, досрочно произведенных в командиры из курсантов вторых курсов военных училищ. Они становились командирами рот и батарей, а также их заместителями.

Первоначально ополченцы были плохо вооружены, не имели транспорта, средств связи, инженерного имущества. На вооружении артчастей состояли французские 75-мм орудия «Бофорс» со стволами, расточенными под наш 76-мм снаряд.

6 июля, воскресенье. Вечером от прогретого асфальта горбатого Колокольникова переулка поднималась волна теплого воздуха, обнимала нас, маленьких, уходила вверх, туда, где взрослые. На Сретенке и внизу, на Трубной, теплый воздух был другим, более плотным, он не поднимался волной, а струился над асфальтом, как вода. Будто бежишь по самому краю озера (этого не знают взрослые), брызги воды летят от сандалий — ш-ш-ш, и разматывается в руках катушка суровых ниток, и воздушный змей играет над головой. Иногда мне чудилось, что мы с папой едем в машине с открытым верхом по прогретому песку и он пыхает под колесами.

Запах лип Бульварного кольца заплывал во дворы. Возле цирка на Цветном бульваре папа притянул меня к себе и прошептал на ухо:

Солнце печет.
Липа цветет.
Рожь поспевает.
Когда это бывает?

Папа уходит на войну! А Светка плакала. Она, трехлетняя женщина, всё понимала лучше меня. «Рёвушка-коровушка», — говорил папа. Она ревела, крошечка-хаврошечка, всхлипывая, горестно вздыхала и прижималась к теплому папиному плечу. Желтый липовый цвет делал бесцветной зелень листьев.

Сохранился 8-миллиметровый фильм Романа Кармена: добровольцы 13-й дивизии проходят по Первой Мещанской, следуя на Садовое кольцо. Эти кадры вошли в советско-американскую киноэпопею «Великая Отечественная». В американском прокате она называлась — «Неизвестная война».

Не смотрю я фильмы о войне,
Ни боевики многосерийные,
Ни монументальные, в огне,
Но документальные, старинные...
Мне от них не отвести глаза,
Мне с вещами надлежит явиться
В сорок первый, отыскать отца,
Вглядываясь в пасмурные лица
Ополченцев. Вот они идут,
И никто из них не похоронен.
Все, все до одного они живут
В пулеметных лентах кинохроник...

7 июля. Бабушка Хая еще в Краснополье. По дорогам пылили на восток беженцы. А навстречу им продвигались фронтовые корреспонденты Константин Симонов и Алексей Сурков. В этот день они, проезжая Краснополье, остановились у книжного магазинчика (довоенная привычка), купили контурные карты Могилевской области и Белоруссии. Симонову странно было, что на свете еще есть книжные магазины. Две женщины у дороги держали на руках ребятишек, те махали ручонками. Симонова, как он пишет в дневнике, «прошибла слеза, и я чуть не заревел». В глухих деревушках женщины выносили крынки с молоком, крестили военных. Пронизанный солнцем лес. На лесной дороге ребятишки угощали военных земляникой.

Симонов хотел запомнить это: «Низкие холмы, облитые красным светом заката, темно-зеленые купы деревьев около маленькой деревни. По гребню холма мальчишки гнали лошадей. Над крышами курило тонкий дым. Мирная картина срединной русской природы...»

Совсем недавно, в мае, Симонов писал стихи для Валентины Серовой, женщины с глазами то серыми, то синими, влюбленный в нее — в «злую, ветреную, колючую, хоть ненадолго, да мою, ту, что нас на земле помучила и не даст нам скучать в раю». Всю войну он будет писать для нее книгу «С тобой и без тебя», и одно стихотворение из этой книги

солдатские жены будут переписывать и посылать друг другу — эту молитву, эту надежду.

***

Командиром дивизии и начальником штаба 13-й дивизии назначены преподаватели Военной академии им. Фрунзе соответственно полковник Морозов и Мусатов, тоже полковник. Военный комиссар — парторг ЦК ВКП(б) на ВСХВ — Тарасов Петр Григорьевич. Вечером получен приказ: выйти из города в полевые лагеря для сооружения Можайской линии обороны.

8 июля. Задача — совершить марш в 35 км и выйти на рубеж: деревня Снегири на Волоколамском шоссе — деревня Козино.

Москву прошли до наступления рассвета.

***

Гитлер заявил: «Непоколебимым решением фюрера является сровнять Москву и Ленинград с землей, чтобы избавиться от населения этих городов, которые в противном случае мы потом будем вынуждены кормить в течение зимы. Задачу уничтожения городов должна выполнить авиация. Ни в коем случае не использовать для этого танки».

9 июля. 13-я ДНО. После выхода на рубеж приступили к рытью окопов, к оборудованию дзотов и блиндажей, ставили шалаши. Жара высушила землю. На боевую подготовку отводилось шесть часов в сутки. Вставали в четыре утра, ложились в одиннадцать вечера. Имелось несколько десятков учебных винтовок и пулеметов. В дивизии после комиссования больных осталось 8010 человек.

10 июля. Многие жители Краснополья уходили на восток. Бабушку Хаю взяли с собой квартиранты. Потом она рассказывала, что до Варшавского шоссе добирались через город Пропойск. В XVI веке этот город был разорен во время крестьянского восстания под командой человека по фамилии, как ни странно, Наливайко. А название города — самое безобидное, от слова «пропой», что означает водоворот при слиянии рек. Здесь река Проня впадает в Сож, а Сож — в Днепр.

***

Разглядывая топокарту, я заметил: к югу от Краснополья на Днепре есть городок Лоев — показалось знакомым название. Полез в «Википедию»: Лоев впервые упоминается в письменных источниках 1505 года как «Лоёва Гора». И вспомнил я любимую сцену из пушкинского «Бориса Годунова» — «Корчма на литовской границе»! Григорий Отрепьев расспрашивал хозяйку корчмы о дороге в Речь Посполитую (так звалась федерация Королевства Польского и княжества Литовского).

«— Куда ведет эта дорога?

— В Литву, к Луёвым горам.

— А далече ли до Луёвых гор?...

— Вот хоть отсюда свороти влево, да бором иди по тропинке до часовни, что на Чеканском ручью, а там прямо через болото на Хлопино, а оттуда уж всякий мальчишка доведет до Луёвых гор».

Лой — это белорусское слово, означает жир, говяжий или бараний. Им смазывали бревна, по которым переволакивали по суше ладьи из одной реки в другую.

Двести с лишним лет назад тогдашняя граница была «горячей линией», и о ней до сих пор вопят названия рек — Вопь, Вопец, Мерзавка.

12 июля. Фашисты прорвали нашу оборону на Днепре у Шклова и на реке Сож, охватывая с севера и с юга Могилев.

Жизнь моей бабушки, уходившей в толпе беженцев, зависела от того, как долго будет сражаться в Могилеве 61-й стрелковый корпус генерал-майора Бакунина. Корпус, уже окруженный, удержит город до 26 июля.

Бабушка Хая со своими квартирантами успеет добраться по Варшавскому шоссе до Рославля, до Екимовичей, до Юхнова, и дальше, дальше. Позже случится невероятное — дядя Лозик, ехавший в корреспондентской машине, увидел свою мать среди беженцев, обтекавших Москву...

***

Дневник Пришвина: «После таких страшных холодов вдруг жара и такой рост трав, что цвет ландышей сошелся во времени с цветом шиповника».

13 июля. На двадцать второй день войны Константин Симонов в 338-м сп 172-й сд 1-го стрелкового корпуса 13-й армии, защищавшей Могилев, впервые увидел, как наши войска твердо держат оборону. Фотокорреспондент Павел Трошкин сделал панораму из 39 подбитых немецких танков для симоновского подвала в «Известиях», озаглавленного — «Горячий день».

Десять дней с запада на восток шли «окруженцы» — кто с оружием, кто без оружия. Симонову припомнились слова Льва Толстого из дневника 1854 года: «Необстрелянные войска не могут отступать, они бегут».

Командир полка полковник Семен Федорович Кутепов сказал Симонову:

— Что бы там кругом ни было, кто бы там ни отступал, а мы стоим вот тут, у Могилева, и будем стоять, пока живы.

Его полк хорошо закопался, отрыл окопы полного профиля, множество ходов сообщения. Кутепов знал, что слева и справа от Могилева немцы форсировали Днепр и полку предстоит драться в окружении.

Через 38 лет здесь, на Буйновическом поле, что на шестом километре Бобруйского шоссе, по желанию Симонова был развеян его прах. На мореной гранитной глыбе у противотанкового рва выбито: «Всю жизнь он помнил это поле боя и завещал развеять свой прах». И росчерк — «Константин Симонов».

14 июля. Немецкие войска достигли Смоленска.

16 июля. Радиограмма командиру 61-го корпуса Бакунину: «Приказ Верховного: Могилев сделать неприступной крепостью».

17 июля. Через 9 дней после выхода из Москвы 13-й дивизии предписано перейти на свой второй рубеж — в район Волоколамск — Осташево и приступить к оборудованию рубежа обороны по берегу реки Рузы в районе севернее Карачарово.

18 июля. 32-й армия обороняла Волоколамское шоссе — к западу и к востоку от города Волоколамска.

19 июля. Генерал Еременко через 17 суток после передачи дел маршалу Тимошенко вновь назначен командующим Западным фронтом, но ненадолго.

10-я танковая дивизия 2-й танковой группы Гудериана заняла Ельню, но дальнейшее наступление немцев в направлении Спас-Деменска остановлено. Образовался Ельнинский выступ, который полтора месяца наши войска безуспешно пытались срезать.

***

Этим днем, 19 июля, помечено «Свидетельство о браке» моего отца и моей матери. Цветной бульвар. Мы опять были вместе — папа, мама, я и Светка. Она опять ревела. Папа сидел на скамейке, раскинув руки, обнимал ее и маму.

— Светик, солнышко, скоро кончится война, и мы все вместе поедем на дачу в Снегири.

— Снегири! Снегири!

Дядя Лозик потом утверждал, будто папа сказал ему: «Может быть, мы отдадим Москву. У нас нет винтовок. Как мы будем воевать?» И как вторую страшную семейную тайну (а первая — арест дяди Лени), жгли меня эти слова, которые якобы сказал папа.

Но через много лет в документальном фильме «Если дорог тебе твой дом» маршал Жуков на прямой вопрос Симонова «Верили ли вы, что мы удержим Москву?», подумав, ответил, как гвоздь забил: «Был такой период, когда я считал, что мы этот узел обороны... оставим». И сразу у меня отпустило на душе. Значит, и папа вместе с Жуковым знали, что мы победим, победим, даже если и отдадим Москву.

...Когда липы отцветают, всегда вспоминаю тот июльский день, Цветной бульвар у впадения его в Самотеку и запах липового цвета. Мы сидим все четверо на скамейке, пятнистой от солнца, процеженного сквозь листву. Мама прижалась к отцу. Светка на папиных коленях. Я разматываю отцовскую обмотку.

Он сидит с закрытыми глазами, будто копит тепло. Он молчит. Обмотка спадает кольцами, как бинт, и кажется мне бесконечной, как жизнь. Из прохладных подворотен приятно тянет карбидом.

Больше никогда не будет того, довоенного Александровского сада, того, довоенного парка Горького с парашютной вышкой, пруда с каменными лягушками, речных трамвайчиков на Москва-реке, долгих воскресных обедов у тети Сони на Плющихе или же у дяди Лозика на Красносельской; не будет стадиона «Динамо» — травяно-зеленого поля, гудящих трибун, футболистов, змейкой выбегающих к центральному кругу под мелодию «Счастливого дождика». «Футбольный марш» уже написан Блантером, но его не играли до Победы, до сорок пятого года.

Папа ушел. А мы вернулись домой, на Колокольников — по бульвару мимо рынка, мимо цирка, на Трубную площадь, мимо углового «гастронома», дальше по Трубной улице, мимо молочного, мимо «Ремонта пишущих машинок». Поднялись по Сретенскому холму. Солнце на секунду ослепило меня, отразившись в стеклах окон рдяно-кирпичной школы против нашего дома. Больше мы никогда не увидим папу.

Наше окно задернуто черной шторой. Вечерами я должен проверять с улицы — не пробивается ли свет.

20 июля. К исходу дня 13-я дивизия вышла в Осташово и стала обустраивать свой рубеж на реке Руза. На боевую подготовку отводилось всего два часа утреннего времени — стрельбище, полигон.

Прямо над позициями — трасса пролета немецких бомбардировщиков, летящих на Москву.

22 июля. 19.30. Первая воздушная тревога в Москве. Михаил Пришвин ночевал на станции метро Дзержинская. Платформа — только для матерей с детьми. В поисках места он прошел по рельсам чуть не до Кировской.

22 июля. Первая бомбардировка Москвы. Нас — меня, Светку и моего лучшего друга Волика — увели на ночь в полуподвал к Кузиным. Мы с Воликом подкрадывались к окну, приподнимали краешек шторы. Над красной школой был виден прогал неба, располосованного лучами прожекторов. Что-то серебристое проскальзывало по небу, уходя от желтых вспышек разрывов.

3.25. Отбой. К Кузиным нас водили недолго. Мы стали ночевать на станциях метро. Сначала на Кировской, потом на Дзержинской. В сумерках спускались по Колокольникову, переходили Трубную площадь, под которой, говорили, в железной трубе текла река Неглинка. Кто это знает, не удивится, если среди лип и тополей вдруг вымахает речная ветла. Название это — Не-глин-ка — выдавало погребенную речку, когда-то с песчаными берегами, рыбацкими куканами, на кукане окуньки.

Хорошо бы приподнять железный люк на площади. Однажды я увидел, как его поддевали ломом. «Бои под Москвой» — чудилась битва там, у подземной реки.

От Трубной площади мы поднимались по Рождественке мимо запущенного монастыря, мимо кирпичной стены, под которой, говорили ребята, могут быть клады, мимо затаившегося в глубине улицы дома, где Советское Информбюро. Его сводки пересказывали на улицах хмурые репродукторы. Станция метро Дзержинская сама походила на половинку репродуктора. Взрослым без детей разрешалось ночевать на рельсах, на больших деревянных щитах, а на платформы взрослых пускали только с детьми.

Зато потом было московское знобящее утро. Я не мог наглядеться на Москву, такую надежную, прожившую без нас бомбардировочную ночь. Осколки, еще теплые, накапливались на краю мостовой у кромки тротуара. Карманы хорошо оттягивались ими. Конечно, Москву защитят летчики с такими звенящими фамилиями — «Гас-тел-ло», «Та-ла-ли… хин» — но в конце-то фамилии Талалихина глухо и печально слышалось: «хинн».

Сердце нашей Родины — Москва.
Родина покинутая, берег.
Бьет она, родимая, с носка,
И слезам по-прежнему не верит.
Бьёт она и плакать не даёт,
Но когда нечаянно прольются

Ливни, слёзы — в душу западёт:
Я хочу на родину вернуться.
Может быть, вернуться захолустным
Сорелем, покоряющим Париж,
Но Москву не удивишь капустой
И ничем другим не удивишь.
Я вернусь, и вот тебе мой адрес:
Почта до востребования, транзит,
И окошко, в клейстере крест-накрест,
Мальчика в испанке отразит.
Он у мамы спрашивает: Сколько
Можно мне гулять? — Пока отбой.
Как тепло в кармане от осколков!
Мама говорит: «Иди домой,
Чай остынет».
С голубым пером
Птица нарисована на блюдце.
Черным ходом, проходным двором
Я хочу на родину вернуться.

23 июля. Гитлер в разговоре с главнокомандующим ОКХ генерал-фельдмаршалом Браухичем и его начальником штаба Гальдером подтвердил три цели: Ленинград, Москва, Украина.

24 июля. Руководство 13-й дивизии раскритиковано за беспечность в вопросах маскировки.

В районе Ельни Константин Симонов по дороге встретил московских ополченцев, немолодых отцов семейств под командой пожилых запасников. Не только винтовок не хватало, но и гимнастерок. Шли в каких-то синих, крашеных, третьего срока. Их, необученных, необстрелянных, отводили подальше от линии фронта, к Вязьме, на земляные работы. Скорее всего, это были добровольцы 6-й дивизии из 24-й армии генерала Ракутина.

***

В переговорах Сталина с генерал-полковником Еременко частенько встречаются выражения — «разбить подлеца Гудериана», «задать ему перца». Эти любимые выражения жизнерадостного генерала нравились Сталину, вселяли в него уверенность. Да и сам Еременко нравился.

Для советского командования казалось невероятным, что немцы снимут силы с московского направления и повернут на юго-восток. Но это случилось.

Гудериан был против этого решения Гитлера. Гальдер тоже был потрясен. Ведь наступление на Киев неизбежно вело к зимней кампании под Москвой. Однако заместитель Гальдера генерал-лейтенант Паулюс считал, что прямая атака на Москву невозможна, потому что с юга можно ожидать контрудара советских войск.

25 июля. По словам Симонова, в штабе 13-й армии получено сообщение от генерала Бакунина — запросил разрешения на отход. Ему приказано оборонять Могилевский плацдарм. Полковнику Кутепову, прототипу Серпилина из симоновского романа «Живые и мертвые», не удалось вырваться из кольца окружения. 338-й полк полег почти целиком. Кутепов был ранен и умер от потери крови.

26 июля. В глубоком тылу немцев пал окруженный Могилев.

27 июля, воскресенье. Симонов вернулся в Москву. Неделю жил на даче Льва Кассиля в Переделкино. Тишина. Высокие сосны, вершины чуть покачиваются. В траве спеет сладкущая земляника. Как странно, что есть еще на свете воскресенья.

29 июля. Начальник Генштаба генерал армии Жуков позвонил Сталину и просил его принять для срочного доклада.

— Киев придется оставить. На Западном направлении ликвидировать Ельнинский выступ. Немцы могут использовать его для наступления на Москву.

— Что за чепуха. Наши войска не умеют наступать. Как вы могли додуматься сдать врагу Киев?

— Если вы считаете, что я, как начальник Генштаба, могу только чепуху молоть, тогда мне здесь делать нечего. Я прошу освободить меня от обязанностей начальника Генштаба и послать на фронт. Там я, видимо, принесу больше пользы Родине.

— Вы не горячитесь. А впрочем... Мы без Ленина обошлись, а без вас тем более обойдемся.

— Я человек военный и готов выполнить любое решение Ставки…

«Могу выполнять любую работу. Могу командовать дивизией, корпусом, армией, фронтом…»

В 1930 году командир кавдивизии Константин Рокоссовский дал такую характеристику своему подчиненному, командиру кавбригады Георгию Жукову: «Сильной воли. Решительный… Болезненно самолюбив. В военном отношении подготовлен хорошо. Имеет большой практический командный опыт. Военное дело любит и постоянно совершенствует. Заметно наличие способностей к дальнейшему росту. Авторитетен… Может быть использован с пользой для дела по должности помкомдива или командира мехсоединения… На штабную и преподавательскую работу назначен быть не может — органически ее ненавидит».

Стиль Рокоссовского необычен для подобных отзывов.

«Может быть использован на должности помкомдива…» Но Жуков знал себе цену: «Могу командовать дивизией, корпусом, армией, фронтом…» «Помкомдива» — не забыл, ох, не забыл.

Конечно, Георгий Константинович после разговора со Сталиным чувствовал себя уязвленным.

— Не горячитесь. Мы назначим вас командующим Резервным фронтом. Когда вы можете выехать?

— Через час.

Вместо Генштаба Резервный фронт, состоящий почти сплошь из добровольцев, — это унижение, это «помкомдива».

***

Бомба попала в люк канализации на Пушкинской площади. В радиокомитете выбило стекла. Юрий Левитан как раз читал сводку Совинформбюро. Свет погас, и текст ему подсвечивали карманным фонариком.

В этот день Симонов на даче Льва Кассиля написал «Майор привез мальчишку на лафете», «Не сердитесь, к лучшему» и — «Жди меня». Кассиль сказал, что стихотворение — хорошее, хотя и похоже на заклинание. Ничего не понял!

Почему мы не ходим ночевать в метро Кировская? Ведь оно так близко — надо подняться на Сретенку и пройти к Чистопрудному бульвару. В станции метро — окна-иллюминаторы, как будто в подводной лодке «Наутилус» капитана Немо. Рядом с метро, на улице Кирова, ближе к Садовому кольцу, есть стеклянный дом, облицованный розовым туфом. Тени облаков проплывают по его прозрачным стенам. Машины могут проезжать под этим висящим в воздухе домом, будто выплывшем из Лучезарного города, придуманного Ле Корбюзье. Да и сам дом похож на имя архитектора — Ле Корбюзье.

Если идти по Кировской к центру — справа чайный магазин, который зовут «китайским». Я боялся каменных дракончиков, прятавшихся в стенах дома. Внутри магазина — вкусный запах свежемолотого кофе, большие вазы, разрисованные чайными розами и цветущими вишнями. Против китайского магазина — Главпочтамт, похожий на вокзал, с двойными рядами балконов. Как я люблю эти дома — почтамт, китайский магазин, стеклянный дом!

Осколки стекол лежат вокруг дома Ле Корбюзье, блестят на солнце и хрупают под ногами. Улицу перекрыли, разрыли, разгородили деревянными щитами. Очень немногие тогда знали, что в начале июля из Кремля Генштаб и Ставка ВГК были переведены в небольшой особнячок с мезонином на Кирова, 37 — рядом с метро. Сталин работал во флигеле особняка. Раньше здесь был детский сад.

Через месяц операторы Генштаба — рабочего органа Ставки — разместились на станции метро Кировская. Поезда пролетали на скорости, не останавливаясь. Зал отгорожен от путей большими листами фанеры. Отдельные помещения — для вождя, операторов и связистов. Генштабовцы отсыпались на скамейках метропоезда, позже подогнали купированные железнодорожные вагоны.

***

Фашисты не смогли преодолеть сопротивление 78-й стрелковой дивизии генерала Белобородова и продвинуться к Москве дальше поселка Снегири. Сейчас здесь, на 42-м километре Волоколамского шоссе, — мемориальный комплекс «Рубеж Славы».

Я присмотрел в поселке домик с открытой верандой, залитой солнцем, — он мог бы понравиться папе, искупался в речке Истре, пересыпал крупнозернистый кварцевый песочек, который мог быть согрет моими довоенными ладошками.

Солнце печет,
Липа цветет,
Рожь поспевает.
Когда это бывает?

Я знаю, что перед смертью папа думал обо мне, что душа его стремилась именно сюда, в поселок Снегири.

Чуть севернее, на 41-м километре Ленинградского шоссе у деревне Крюково, взят прах Неизвестного Солдата, захороненный в Александровском саду у кремлевской стены.

До войны там тоже был прекрасный песок, не хуже, чем на Истре. Музыка довоенная, джазик — чудом сохраненный пустячок.

С утра побрился
И галстук новый
В горошек синий я надел,
Купил три астры,
В четыре ровно
Я прилетел,
Я прилетел!
Не надо утром на работу,
Пойдем мы в сад гулять с тобой. —
Так пел мой папа в ту субботу
Перед войной,
С которой он не воротился
На Колокольников, домой,
И охраняют пехотинцы
Его покой...
Солдат, конечно, неизвестен,
Но только слышу всякий раз —
Так, значит, снова на том же месте
В тот же час!
В тот же час.

Эпилог.

Эпилога не будет...